

ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ – «СТРАННИК, ВЕЧНЫЙ СТРАННИК И ВЕЗДЕ ТОЛЬКО СТРАННИК»

Аннотация.

Рассмотрены особенности подхода к философии и философствованию со стороны русского мыслителя В. В. Розанова. Обращено внимание на его вклад в разработку учения о понимании, сближающего автора с немецким философом В. Дильтеем. Раскрыты стиль и форма собственного метода В. Розанова, обеспечивших оригинальность решения проблем бытия человека в мире.

Проведен сравнительный анализ философско-художественных стилей В. Розанова и русского писателя А. Платонова.

Ключевые слова:

диалогичность, образы-понятия, потенциальное и актуальное, философия понимания, стиль и форма философствования.

Summary.

The features of the approach to philosophy and philosophizing by the Russian philosopher Vasiliy Rozanov are considered. Attention is drawn to his contribution into the development of the doctrine of understanding, which reconciles him with the German philosopher V. Dilteem. The style and the form of Rozanov's own method of philosophizing, which provides the originality of solving the problems of addressing human existence in the world, are revealed.

A comparative analysis of Rozanov's and the Russian writer Andrey Platonov's philosophical and artistic articles is carried out.

Keywords:

dialogic, images-concepts, potential and actual, the philosophy of understanding the style and form of philosophizing.

Анотація.

Розглянуті особливості підходу до філософії та філософуванню з боку російського мислителя В. В. Розанова. Звернуто увагу на його внесок в розробку вчення про розуміння, що зближує автора з німецьким філософом В. Дільтеєм. Розкриті стиль та форма власного методу В. Розанова, що забезпечив оригінальність вирішення проблем буття людини в світі.

Проведений порівняльний аналіз художньо-філософських стилів В. Розанова та російського письменника А. Платонова.

Ключові слова:

діалогічність, образи-поняття, потенційне і актуальне, філософія розуміння, стиль і форма філософування.

Вынесенные в заголовок слова принадлежат самому В. В. Розанову [3, с. 78] и вполне адекватно характеризуют творчество этого оригинального и неоднозначного мыслителя конца XIX – начала XX веков. Он действительно находился в постоянном движении, поиске, был тем, «который от всего ушел и никуда не пришел». Философ и публицист, В. Розанов постоянно мигрировал между «правыми» и «левыми» в политике, между школами в философии, между «небом» (религиозной духовностью) и «землей» (телесностью, сексуальностью). В своих, ставших знаменитыми «Опавших листьях», автор писал: «*Душа моя какая-то путаница, из которой я не умею вытащить ногу*» [2, с. 331], таким образом характеризуюя раздвоенность собственного творчества.

И даже само движение у него сочетается с желанием покоя: «Двигаться хорошо с запасом большой тишины в душе... Но и сидеть на месте хорошо только с запасом большого движения...» [3, с. 65]. И здесь автор в пример приводит Канта: «Кант всю жизнь сидел: но у него было в душе столько движения, что от «сидения» его двинулись миры» [3, с. 65].

Источник этого движения В. Розанов видит в многообразии своих душевных порывов. Говоря о своем становлении как личности, автор отмечает, что *образно говоря*, в его душе уживались совершенно разные животные: шакал и тигр, благородная лань и вымистая (с большим выменем) корова [3, с. 104]. Он признается: «Никогда ни в чем я не предполагал даже такую массу *внутреннего движения*, из какой собственно сплетены мои годы, часы и дни. Несусь как ветер, не устаю, как ветер. Куда? Зачем?» [3, с. 73]. Наконец, самохарактеристика завершается образом дыма, который также постоянно находится в движении: «Господь надымил мною в мире».

Авторы, которые и в прошлом, и сегодня не обходили и не обходят вниманием фигуру Василия Розанова, достаточно разнообразны в оценках и характеристиках философа: «один из крупнейших русских мыслителей, человек, крайне оригинальный взглядов, особенно в области сексуальной» (М. Горький); «ужасающе современный философ» (английский писатель) Д. Г. Лоренс). П. Струве и Вл. Соловьев соглашались, что В. Розанов «большой писатель», но «с органическим пороком цинизма». Естественно, что В. И. Ленин рассматривал философа как человека «известного своей реакционностью», и ставил философу вину в то, что он «отказался от шестидесятничества» и всегда был готов «прислуживать правительству». Наиболее беспощаден был в своей оценке Л. Андреев [См.: 12, с. 12–13]. Завершил этот парад характеристик русский религиозный философ и друг В. Розанова Павел Флоренский, предложивший на могиле В. Розанова поместить библейское «Праведны и истинны все пути твои, Господи» [См.: 12, с.13].

Почти 70 лет вокруг фигуры Василия Васильевича Розанова и его творчества царил своего рода «заговор умолчания». О нем вроде бы и вспоминали – как об одном из представителей русской религиозной философии конца XIX – начала XX века, о его эпатажном стиле философствования. А произведения мыслителя, по словам исследователя его творчества В. Щербакова, «оказались искусно и прочно забетонированными... в интеллектуальных моргах нашего «социалистического» отечества» [19, с. 597–598].

И вот в 90-е годы XX века наступило «второе пришествие» творчества философа и публициста. Особенно «урожайным» выдался 1990 год, когда в печать вышли сразу пять книг сочинений В. Розанова [См.: 1; 2; 3; 4; 5]. Возможно, в этом была определенная доля случая, а может произошло по отмашке «сверху». Как живой свидетель состояния умов того времени, отмечу, что это был период, когда активно терпела крах господствующая ранее идеология, рушились духовно-идеологические кумиры и ценности, а образовавшиеся пустоты нечем и некем было заполнить. В. Розанов в этом отношении подходил более, чем «чистые» философы или православно-религиозные авторитеты начала XX века. Он был подчеркнуто прям, резок, многозначен, его взгляды были хотя и противоречивы, но зато всем понятны. Сочный и простой язык Розанова – публициста как бы обращался к тому здравому смыслу, который третируется в теоретической философии от Гегеля и до последователей Маркса и Ленина, но которого так не хватало в пору ломки казавшихся ранее незыблемыми основ. В результате на смену одним *-измам* приходили другие, не менее абстрактные, и спасением от «бесплодного теоретизма» оставался только здравый смысл, на который в свое время опирался В. Розанов. Особо успокоительно для обывателя звучали его слова, написанные в грозные революционные годы в ответ на вопрос: что делать?

«– Как что делать: если это *лето* – чистить ягоды и варить варенье, если *зима* – пить с этим вареньем чай» [3, с. 287].

В 1910 году в работе «Когда начальство ушло» В. Розанов характеризует свое невмешательство в происходящие политические события следующим образом:

«Я давно для себя решил, что «домашний очаг», «свой дом», «своя семья» есть единственно святое место на земле, единственно чистое, безгрешное место: выше церкви, где

была инквизиция, выше храмов – ибо в храмах проливалась кровь» [1, с. 14]. Эту установку на приоритетность личного, индивидуального перед общественным в период хаоса и анархии, разгула «революционного» брожения В. В. Розанов повторяет не раз. «Я открыл истину, – пишет философ в «Уединенном», – частная жизнь выше всего. Я открыл это первым.

Просто сидеть дома и хотя бы ковыряться в носу и смотреть на закат солнца.

Ей-ей. Это – общей религии: все религии пройдут, а это останется – просто сидеть на стуле и смотреть вдаль... [3, с. 64].

В «Опавших листьях» читаем: «Крепче затворяй двери дома, чтобы не дуло. Не открывайте ее часто. И не выходи на улицу... Не сходи с лестницы своего дома – там зло... Дальше дома зло уже потому, что дальше – равнодушие» [1, с. 524]. И призыв: «Ах, люди: пользуйтесь каждым вечерком, который выйдет ясным. Скоро жизнь проходит, пройдет, и тогда скажете: «насладился бы», а уж нельзя: боль есть, грусть есть, «некогда!» [3, с. 86].

Его подход откровенно декларируется как позиция «русского обывателя», для которого эстетика или индивидуалистическое «не нравится» могут стать решающими аргументами в отношении к любым идеям, институтам и событиям.

В. В. Розанов был многолик. В нем было намешано всего и помногу: русскости, религиозности, философичности, публицистичности. Он был обращен и к интеллигенту, и к мешанину, к верующему и к скептику, оравленному наукой и атеизмом...

При жизни В. Розанов опубликовал более 30 книг и перед смертью успел составить план собрания сочинений в 50-ти томах. Правда, оно так и не было издано, лишь в наши дни был опубликован 30-ти томник [6]. Литературно-публицистическое и философское наследие В. Розанова впечатляет разнообразием тематики и жанров. Пытаясь зафиксировать темы над которыми работал философ, я насчитал их более 50-ти. Среди наиболее часто повторяющихся, например, в «Опавших листьях» – связанные с рассмотрением места религии в обществе, характеристикой христианства и других конфессий. Много внимания автор уделяет творчеству писателей и журналистов, дает развернутые характеристики им как личностям, а также литературе и литературному процессу. Значительное место в творчестве В. Розанова занимает самохарактеристика и самоанализ собственной жизни, переживаемых чувств, отношений с другими людьми. Проблемы пола, семьи, смерти, болезней также в центре внимания философа.

Василий Васильевич Розанов (1856–1919) – весьма колоритная и противоречивая фигура в русской философии и публицистике конца XIX – начала XX веков. Уже первым своим философским трудом («О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания») [8] доселе никому не известный 30-летний провинциальный учитель гимназии надеялся вполне по-гегелевски, которому он явно подражал, произвести фурор в философских кругах. Но взамен он получил жестокое разочарование: увесистый том в 800 страниц никто не заметил и никак на него не откликнулся. Всего было издано 600 экземпляров книги, которую никто так и не купил. Из магазина автору вернули куль нераспроданных книг. Другой куль за 15 рублей был продан на Сухаревском рынке как упаковочный материал для книг других авторов [См.: 16, с. 525].

Биограф В. Розанова Э. Геллербах писал в 1922 году о его неудачном философском опыте: «В целом вся работа является результатом хорошо усвоенного гегельянства. В отдельных местах прорывается своеобразие автора, но все же трудно узнать в этой книге Розанова: вся она тяжелая, тусклая насыщенная чем-то схоластическим. В ней нет ни тени того блестящего, острого стиля, которым отмечены позднейшие труды Розанова» [Цит. по: 19, с. 602]. Долгое время указанная оценка, подчеркивающая ученический, эпигонский характер первого философского опыта мыслителя, была преобладающей. Тем более, это подтверждало то, что в период обучения В. Розанова в гимназии и Московском университете как раз был «в моде» Гегель, а античные авторы, которым подражал начинающий философ, как известно, рассматривались как классика не только в философии, но и при изучении древних языков, истории.

Однако проделанная работа не была совершенно бесплодной: сама постановка проблемы понимания в то время выглядела достаточно новой и оригинальной. Автору в период засилья научного рационализма удалось сделать вывод о том, что наука имеет свои пределы, а понимание как таковое выходит за рамки научного познания, что это – общая характеристика познавательного отношения человека к миру. Этот вывод не только был важен сам по себе, но главное, что он позволил В. Розанову перейти к разработке темы понимания в рамках художественно-философско-публицистического подхода к конкретным темам (вопросы религии, литературного процесса, пола, семьи, человеческого существования) [15, с. 525].

Современные исследователи творчества В. Розанова отмечают удивительную близость его позиций с учением основоположника «понимающей» психологии, представителя «философии жизни», одного из предшественников экзистенциализма и творца герменевтического метода немецкого философа Вильгельма Дильтея (1833–1911).

Общим у обоих мыслителей было то, что понимание приобретало значение некоего проникновения в собственный внутренний мир («в себя – самонаблюдение») и постижения чужого мира («вживание» в него, «сопереживание», «вчувствование») [18, с. 653]. Тем самым, открывался путь понимания процесса познания как целостного, включающего рациональную и иррациональную компоненты.

После неудачного опыта написания книги В. Розанов не стремился издавать фундаментальные философские труды, а, как правило, составлял публикации из отдельных статей, афоризмов, заметок, часто помещая в них и чужие материалы как бы наполняя свои произведения диалогическим многоголосьем «за» и «против». Это придавало основному сюжету необычайную тональность, драматическое напряжение. Сам В. Розанов так характеризовал свой метод: «Истина трудна и добывается прилежанием. Посему я собираю здесь с величайшей любовью взгляды «pro» и «contra»». Широко использовал философ и жанр комментариев, когда приводимый им документ, чужую статью или письмо «окружал сетью тончайших догадок, пояснений, вскриков, намеков», писал исследователь творчества философа Г. Адамович [Цит. по: 16, с. 526].

В. Розанов, исходя из разработанного им учения о понимании, был направлен сердцем – вовнутрь себя, умом – вовне. В результате и складывается его собственный стиль: «высокая автофилософия, одухотворенная, теплая личная философия, в которой между мыслителем и предметом нет высокой и глухой стены, которую называют объективностью, абстрактностью» [19, с. 604].

Вместе с тем, в своем творчестве В. В. Розанов еще раз обратится к философии, но уже к социальной, написав книгу «Природа и история», где, в частности, отмечал, что есть два типа философов – с университетских кафедр, философствующие «по службе», по должности и так называемые «сектантские философы, олицетворяющие темные, бродящие философские искания» [10, с. 9].

Для первых всегда характерно, что их «работа, безличная в такой степени, что имя, на ней написанное, так же ничего не выражает, как если бы на ней не было вовсе никакого имени». Она выражает, скорее, «нужду кафедры, свидетельствует о знаниях автора, и, так сказать, составляет «литературное прибавление» к устному магистерскому или докторскому изданию, более документальное и более прочное, а следовательно, официально более веское» [Цит. по: 10, с. 9].

Характеристика несколько обидная для «официальной философии» и продиктованная в некоторой мере тем, что ученые мужи университетских кафедр не признали в нем коллегу, но вполне точная. Ее можно отнести и к большинству трудов современных вузовских философов.

«Сектантскую» ветвь русской философии В. Розанов описывает следующим образом: «Не имея наружного декорума и даже часто плана», она в высшей степени полна «жизненного пороха»: этой взрывчатости, самогорения, порыва мысли и всего около действительности, около «природы вещей...». «...Эта философия тесно связана с нашей

литературой, в то время как первая создана исключительно с учебными нуждами, с задачами преподавания старинной педагогической дисциплины».

Понятно, что себя В. Розанов относит к «философам-сектантам»: он не был ограничен связями с университетскими кафедрами, не принадлежал ни к какой философской школе. По замечанию Е. В. Барабанова, он мыслил как досократики: его мысль занята «архе», «первоначалами», представлениями вне всяких философских традиций, в дилетантском и эклектическом смещении проблем гносеологии и герменевтики, естествознания и трансцендентальной философии, натурализма и психологизма [10, с. 10].

Сам В. Розанов в письме к В. И. Герье так описывает работу над своим философским произведением «О понимании»: «Я писал свое сочинение без книг, без совета, что оно такое, кто я сам – я этого в значительной степени не знаю. И только одна боязнь, что я умру, не высказав то, над чем столько продумал и с чем связал столько своей жизни, огорчений и радостей, заставила меня издать его» [Цит. по: 1, с.10].

Вместе с тем, следует сказать, что в своих философских работах В. Розанов затрагивает ряд интересных и важных проблем. Одна из них – тема потенциальности, о которой философ планировал написать книгу [19, с. 607].

Однако дело ограничилось лишь набросками и заметками по этому поводу. В сноске к книге «Литературные изгнанники» (1913) философ писал: «Потенция – это незримые, полусуществующие, четверть существующие формы (существа) около зримых (реальных)».

Мир как он есть – лишь частица и минута «потенциального мира», который и есть настоящий предмет полной философии и полной науки. Его интерес: переход из потенциального в реальный, законы этого перехода и условий перехода, вообще всего, «что находится в стадии такого перехода» [19, с. 607]. В. Розанов понимает мир как «подлинный в своей реальности и трансцендентальной возможности или потенции» [19, с.607].

В данном случае автор, видимо, стремился развить учение Аристотеля, который впервые в европейской философии дал анализ взаимодействия потенциального и актуального. Переход от одного к другому осуществляется ввиду наличия в материи двух моментов: отсутствия, отрицания, «лишенности» формы и наличия «чего-то», в чем заложены возможности формы.

Другими словами, то, из чего возникает форма, является чем-то средним между отсутствием формы и формой действительной, которая существует реально. Это «среднее» между отсутствием бытия формы и ее действительным бытием является бытием в возможности или «потенциалом». Но «бытием в возможности владеет и то, чего нет, но не возникает то, бытие чего невозможно». Между возможностью и действительностью существует различие: «Среди несуществующего что-то существует в возможности; но, его нет, потому что оно не существует в действительности» [9, с. 238].

Действительным является лишь то, в чем заложена возможность. «Материя, таким образом, есть бытие в возможности, потому что может приобрести форму, а когда она есть в действительности, у нее уже есть форма». Таким образом, «там, где начало возникновения имеется в самом возникающем, и в возможности есть то, что при отсутствии каких-либо внешних препятствий становится сущим в действительности через себя. Когда же что-то, благодаря тому, что имеет начало в самом себе, становится способным перейти в действительность, оно уже такое в возможности» [9, с. 243, 246].

Переход возможности в действительность – это механизм осуществления всякого движения. «Я под движением, – отмечает Аристотель, – понимаю осуществление сущности в возможности так таковой. А совершается движение тогда, когда имеет место само осуществление, и не раньше, и не позже». И далее: «Движение является осуществлением того, что есть в возможности, когда оно при осуществлении действует не как таковое, а поскольку оно может быть приведено в движение» [9, с. 289].

В конце концов Аристотель, характеризуя процесс оформления материи, вводит понятие возможности (*dynamic, dynaton*) и действительности, которые позже схоластами средневековья были переведены как «потенциал» и «акт» (потенциальное и актуальное).

Актуальную действительность Аристотель обозначает не одним, а двумя терминами – «энергия»: и «энтелехия» первый преимущественно обозначает процесс, деятельность, осуществление перехода от возможности к действительности, второй – акцентирует внимание на осуществлении, результате такого перехода. Действительность – это и процесс, и результат всякого изменения, превращения потенциального в актуальное. Таким образом, переход потенциального в актуальное посредством приложения определенной энергии – универсальный механизм всякого возникновения, развития, впрочем, как и уничтожения, исчезновения.

В дальнейшем учение о соотношении возможности и действительности развил Гегель в своей «Науке логики», которого В. Розанов знал так же хорошо. Однако у самого В. Розанова изложение концепции потенциальности выглядит несколько упрощенно. Но потенциальность у русского философа важна и в другом (а для него, возможно, наиважнейшем) значении – как возможность рождения, как проблема пола, рода и семьи, которая постепенно становится основной в его литературно-философском творчестве.

Как видим в определенной степени переход В. Розанова от философии к публицистике и журналистике носил вынужденный характер, хотя первоначально он и был увлечен философией. Молодой журналист сотрудничал во многих изданиях, часто противоположной идейной направленности. И наряду с необходимостью публиковать статьи «на злобу дня», у него постепенно вырабатывается собственный стиль изложения материала, оригинальный и новый по форме.

Этот материал В. В. Розанов нашел не сразу. Сам себя он иногда называл газетно-журнальным поденщиком, ибо писал статьи по любому поводу и для разных изданий.

Обычно работа в газете – своего рода соковыжималка, которая высасывает духовные и интеллектуальные соки и портит стиль, засоряя его штампами. Здесь вечно поджигает время, потому что есть своя ритмика работы и обычно материал «был нужен вчера». Но вместе с тем, постоянное нахождение в гуще событий позволяет не отрываться от жизни, избавляет от кабинетного изоляционизма, абстрактной зауми, взгляд сам сосредотачивается на земных, повседневных вещах и явлениях. Если в этой суматохе найти «золотую середину» то может и получится нечто «оригинальное, ясное, понятное, смесь «высокого» стиля и публицистической ясности. Нечто подобное вышло и у В. Розанова. В числе находок, принадлежащих ему, – афористичная форма изложения материала, фиксирование пути мысли от ее зарождения до реализации. А также – ряд тем, которые обычно рассматривались как бытовые, потому и не заслуживающие внимания серьезных публицистов. Одной из таких тем у В. Розанова является тема пола, семьи, брака.

Биографические моменты к разным авторам приходят по-разному. Одни уже в начале творческого пути стремятся воссоздать обстановку детства и юности, путь своего взросления и становления как личности (так появляются произведения автобиографического характера). В других случаях биография вспоминается когда жизнь нажита, опыт накопился, когда появляется возможность и желание «остановиться и оглянуться» и зафиксировать почему-то то, что давно кануло в лету.

У В. Розанова это обращение к перипетиям собственной жизни было вызвано драматически складывающейся личной жизнью: неудачный брак с Сусловой, обретение душевного покоя с В. Д. Бутягиной и непризнание, в соответствии с церковными правилами, этого брака равно как и невозможность зарегистрировать собственных детей как «законнорожденных» – все это переплелось в тугую и, казалось, неразрешимый клубок и длительное время отравляло личную жизнь философа.

Розановские работы часто напоминали черновые наброски, как будто были написаны «для себя»: они пестрели сокращениями, многоточиями, умолчаниями, недомолвленностями. Вместе с тем, каждый отрывок представлял собой уже запечатленный момент авторской мысли, а вывод, результат мышления как бы совпадал с процессом его поиска. Автор, приоткрывая «интимную» жизнь мысли, в некоторой степени выступает и героем своего произведения, поэтому в последнем как бы сливается философское и литературно-

художественный аспекты. Этому способствует то, что В. Розанов пользуется не чисто философскими понятиями, а образами – понятиями, когда отдельный образ при повторении в разных контекстах приобретает значение некоторого термина. Также значение у него имеют ремарки, помещенные в конце отдельных фрагментов и обозначающие время, место или действие, при которых рождалась данная мысль и соответствующая запись. Так, в постскрипуме к «Уединенному» помещены рассуждения о нумизматике, за занятиями которой часто у философа рождались новые мысли.

Таким образом, ремарка перерастает в описание метода, подхода к интересующей проблеме, «вхождения» в самую мыслительную деятельность. Вместе с тем, отдельный афоризм в контексте всего произведения утрачивает свою исключительность и непреложность. Любой отрывок у В. Розанова демонстрирует не то «как автор думает именно сейчас», не только к каким выводам пришел, автор как бы передает «настроение мысли». В целом как раз через недомолвки, через умение максимально наполнять смыслом не только слова, но даже способ записи путем широкого использования скобок, кавычек, курсива философ показывает возможности несистематического мышления, нерациональных форм отношения человека к миру. Мысль у него часто рождается из бытовых мелочей, в дразгах и нелепостях повседневной жизни, о чем часто свидетельствуют используемые ремарки: «за набивкой табаку», «в купальне», «за истреблением комаров», «перебирая в пепельнице окурки» и т.п.

От этой ориентации на обыденность где не требуется четкого «продумывания мысли до конца» идут многочисленные у Розанова противоположные высказывания о самых разных вещах и проблемах (мыслитель не связан обязательством придти к четким и однозначным заключениям: один раз подумал «так», другой – «этак»). Это нельзя рассматривать как непоследовательность, скорее, это – стремление к целостному рассмотрению предмета, не подвергая его расчленяющему анализу логики. В конечном счете, это можно рассматривать и как апелляцию к высшему, божественному началу, способному объединить любые разноречивые стороны, суждения, ощущения, поступки в единый, целостный процесс.

В результате В. Розанов пишет свои книги как бы не для читателя, обходясь без него, ибо автор демонстрирует опыт интимного общения с тем, кто Управляет Миром («Главизна Мира»), и рождает вечную само противоречивость, понимает не только язык мыслей, но и чувствований, ощущений и вождений (включая и умолчания) лучше тебя самого.

Примерно 100 лет назад В. Розанов публикует два произведения – «Уединенное» и «Опавшие листья» (короб 1 и короб 2), которые закрепили за ним репутацию зачинателя нового жанра в русской литературе, опирающегося на доверительность, интимность, предельную откровенность позиции автора. Написаны они не в традиционной форме законченного повествования, а в форме собраний отдельных отрывков, афоризмов, случаев, фрагментов. Эти тексты идут «прямо с души» автора, без предварительной обработки, «без заранее поставленной» цели: «Я пишу без читателя. – Просто потому, что нравится...Книжку можно и не читать, а продать со скидкой 50% букинисту [3, с. 26]. И еще: «Читатель может не церемониться со мной. С читателем гораздо скучно, чем одному...Он разинет рот и ждет, что ты ему положишь...,имеет вид осла перед тем, как зареветь...Пишу для каких-то «неведомых друзей» и хоть «ни для кому» [3, с. 26].

«Из безвестности приходят мысли и уходят в безвестность» [3, с. 27].

В. Розанов так характеризует «лабораторию» собственного творчества: «Всякое движение души у меня сопровождается *выговариванием*. И всякое выговаривание хочу непременно *записать*. Это – инстинкт. Не из такого ли инстинкта родилась литература (письменная)» [3, с. 54].

Поэтому можно согласиться с выводом о том, что главная ценность философского наследия В. В. Розанова заключается не в решении отдельных философских проблем, а в постановке огромного их числа и в разработке подходов к их решению. Причем, проблемы – не абстрактного характера, а из числа насущных, сопровождающих человека от рождения и

до смерти. Впрочем, и сами эти пункты – начала и конца земного человеческого бытия в центре внимания Розанова – философа.

* * *

Сложные отношения В. Розанова – писателя, публициста и философа – к славе, известности, почитанию. В «Уединенном» и в других книгах разбросаны его заметки по этому поводу. Здесь мы встречаем: «Слава – змея. Да не коснется никогда меня ее укус» [3, с. 79]. Жесткая, четкая установка, почти как жизненное кредо, выстраданное и продуманное философом. Но какая-то нарочитость сквозит в этих словах. Зачем шокировать публику, отказываясь от «укуса» славы? Но она ведь не так просто дается в руки, поэтому – пусть и «не коснется». А хочется, ох, как хочется славы. И еще при жизни. Да и посмертно не помещает. Иначе зачем было описывать могильный памятник самому себе так подробно, просто как восточному сатрапу?

В «Мечте в щелку» автор описывает собственную смерть, приготовления к похоронам, сами похороны и какой бы памятник он хотел видеть на своей могиле. «Это должна быть высокой, сажени в полторы, кирпичной кладки стена с заостренными гвоздями наверху, какие устраиваются в заборах, через которые никто не должен перелезть... В этой стене вокруг могилы главная и упорная моя мечта... Разделенность с живущими, как и с «окружающей жизнью». Должны быть убраны всякие надписи на стене, а тем паче... на могиле, вообще никакой «прописи паспорта» не должно быть около тела... Само тело должно быть не просто в земле, а в свинцовом ящике, и вообще червей, гнили и растаскивания костей – не нужно...

Сверху – никакого соединения стен кирпичных, т.е. никакого потолка. При полном исполнении моего желания стены должны бы быть не вертикальными, а отвесно – пологими, раздающимися вширь кверху... И последнее – чтобы земля была засеяна какими-нибудь возобновляющимися цветами, т.е. чтобы умирая, они осыпали на землю семена, которые и без посадки, без углубления в землю, вырастали бы к следующей весне новыми цветами» [3, с. 106-107].

Хотя в «Опавших листьях» отношение к посмертной памяти и к памятнику на могиле прямо противоположное:

«– Какой вы хотели бы, чтобы вам поставили памятник? Только один: показывающий зрителю кукиш» [2, с. 524].

В другом месте В. Розанов причисляет себя к плеяде российских писателей и философов первой величины: к поколению Буслаевых, Ключевских, Соловьевых, для которых, по его мнению характерны «спокойная вера», и Толстых, Розановых, Мережковских, (сумятица и буря, злость и нервы).

Не то, чтобы это не было дозволено или «права не имеет», но как-то не очень скромным выглядит себя самого приписывать к кругу известных, заслуженных и прославленных, если славы действительно не хочется...

Или еще: «Там, может быть, я и дурак» (есть слухи), может быть, и «плут» (поговаривают), но только той широты мысли, *неизмеримости* «открывающихся горизонтов» – ни у кого до меня как у меня не было. И «все самому пришло на ум» – без заимствования даже йоты. Удивительно. Я прямо удивительный человек. И снова: «Почему я так не желаю известности. И так (иногда) тоскую, что ничего не вышло из моей литературной деятельности, никто за мной не идет, не имею «школы»? [3, с. 81]. Сколько тоски и недоумения в этих раздумьях, вполне понятных и приемлемых для человека масштаба Розанова.

Поэтому и вывод, который за этим следует, также вполне вытекает из предыдущих суждений философа: «Желание влияния» есть очень благородное чувство: *«иметь себя, другом всех и иметь себе другом целый мир»* [3, с. 81]. Но затем пессимистическое: «судьба бережет тех, кого она лишает славы» [3, с. 83]. И «никакого интереса к реализации себя, отсутствие всякой внешней энергии и воли к бытию». Я – самый не реализующийся человек

[3, с. 83]. В. Розанов постоянно терзается вопросами: «что-то я, или надутый пузырь? Каков итог жизни? Что вышло? Ничего особенного. И особенно как-то *ненужно*, чтобы что-нибудь вышло Безвестность – *почти* самое желанное» [3, с. 87-88]. Правда, откровенно? Если бы не эта безвестность, которая *почти* самое желаемое. Все-таки автор (или герой?) надежды не теряет, и известность «*почти*» желает.

Конечно, можно на это посмотреть и с другой стороны: ведь автор стремится быть искренним, и показывает нам, насколько человек может быть противоречив: с одной стороны, он вроде бы и не хочет славы, избегает даже ее, а с другой, – его порой одолевает гордыня, неподобающая глубоко верующему человеку. Порой в его высказываниях скользит хвастовство, бахвальство, подстать пушкинскому: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!». Правда и в случае с Василием Розановым это самолюбование имеет под собой основание в виде литературного творчества.

Вместо выводов

Тексты В. Розанова по особому настраивают и как бы заставляют думать по розановски... Летает по квартире муха, случайно залетевшая с балкона в комнатное тепло! И укусить не успевает: либо сама собой подохнет, не найдя чем поживится, либо все-таки найдет выход и улетит прочь, либо, пожалев ее, поймаешь и отпустишь восвояси – лети, живи, сколько тебе Бог послал.

Но она успевает напомнить о родном деревенском доме и житье в нем. И дома уже нет, остались только немногочисленные фотографии, нет и близких, с кем жизнь начинал, а мух помнишь, особенно было их много к концу лета и были тогда они кусачи. Спасение можно было найти, особенно в светлое время суток, только накрывшись с головой одеялом. Такие же ощущения родительского дома навеивают стрекотанье кузнечика, петушиное «ку-ка-ре-ку» и «ко-ко-ко» курицы, криканье утки по осени, «му-му-му» домашней коровы. Но противно козье бляение – слишком надоедливы и хитры были эти непоседливые рогатые бестии...

Так и тексты у В. Розанова – могут напомнить о далеком и приятном, о домашнем тепле и уюте, что уже давно кануло в лету и лишь усилием воли может быть поднято на поверхность памяти из забвения.

* * *

Интересно сравнить форму и стиль произведений таки в общем-то разных авторов, как В. Розанов и А. Платонов. У обоих изложение материала ни на кого не похоже и как бы имитирует бытовую окрашенность, идет подчеркнуто не «от ума», а «от сердца» и жизни. Но словарь Андрея Платонова настолько неповторим, что чуть ли не каждое слово – филологическое открытие автора и его героев. Этот язык как бы находится между литературным языком и местными наречиями людей, проживающих в выдуманных писателем местах. И он тебе не совсем знаком только потому, что ты просто не бывал в этих краях.

У В. В. Розанова язык как бы нарочито приближен к реально существующему, на котором разговаривали и разговаривают образованные круги русского и русскоязычного населения. Неясно только, автор на нем пишет потому, что привык к газетно-журнальному слогу, или делает это несколько нарочито, избегая и, возможно, презируя высокую теоретичность. Новых слов и оборотов не выдумывает, оперируя при этом больше образами-понятиями, которые свободно движет в ту и другую сторону – от понятий к образам и от образов к понятиям, хотя и в рамках общепринятого.

Отсюда попытки зафиксировать мысли и идеи обоих писателей приводят к разным результатам. У Андрея Платонова, кажется, нельзя пропустить ни одного слова без потери смысла. Он выглядит «не конспектируемым» в привычном значении. У Василия Розанова иначе: кажется, что мысли его предельно ясны и запоминаемы, схватываемы сознанием

мгновенно. Возникает представление, что прочитав отрывок или тем более афоризм один раз, я способен сразу и безошибочно воспроизвести его. Ан нет, впечатление обманчиво: запоминается общая канва текста, сама мысль, а конкретное словесное оформление не дается, настолько многообразны словарный запас и количество синонимов, которыми пользуется автор. А слова у В. Розанова всегда очень точные и «сочные».

У А. Платонова каждое слово как камень, у В. Розанова – как песчинка, но все они из одного материала: и кусочки кремня, и песчинки складываются в сюжетную канву написанных авторами произведений.

У Платонова – почти все вопреки общепринятому, у Розанова – почти все как «у всех», и даже хочется это немного подправить, пока не удостовериться, что от любого исправления этот текст только сделается хуже.

Один местный поэт, уже в наши дни вознамерился печатать в каждом номере местной газеты так называемые афоризмы, понимая под ними любые зарифмованные строки вне зависимости от того, имеют ли они необходимую глубину мысли или нет.

А. Платонов и В. Розанов оба, хотя и по-разному, такой полет мысли демонстрируют: один творя новые словесные конструкции, своего рода советский «новояз», другой используя слова известные и простые, но составляя из них новые и оригинальные, подлинно философские и афористичные смыслы.

Литература

1. Розанов В. В. Религия и культура // Сочинения. – Т.1. – М.: Правда, 1990. – 636с.
  2. Розанов В. В. Уединенное // Сочинения. – Т.2. – М.: Правда, 1990. – 712с.
  3. Розанов В. В. Сочинения. – М.: Советская Россия, 1990. – 592 с.
  4. Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития. Литературно-эстетические работы разных лет. – М.: Искусство, 1990. – 608 с.
  5. Розанов В. В. Сумерки просвещения. – М.: Политиздат, 1990. – 624 с.
  6. Розанов В. В. Собрание сочинений в 30-ти томах / Сост. И общая ред. А. Н. Николюкина. – М. – Спб., 1994. – 2010.
  7. Розанов В. В. Собрание сочинений в 8-ти томах / Сост. П. П. Апрышко. – М., 2012.
  8. Розанов В. В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – Спб., 1995.
- * * *
9. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. – Т.1. – М.: Мысль, 1975.
  10. Барабанов Е. В. В. В. Розанов // Розанов В. В. Религия и культура // Сочинения. – Т.1. – М.: Правда, 1990. – С. 3–16.
  11. Ерофеев В. В. Разноцветная мозаика розановской мысли // Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития. Литературно-эстетические работы разных лет. – М.: Искусство, 1990. – С. 6–36.
  12. Налепин А. Н. «Книга – это быть вместе» // Розанов В. В. Сочинения. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 3–24.
  13. Наследие В. В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции / Сост. А. Н. Николюкин. – М., 2009.
  14. Настоящая магия слова: В. В. Розанов в литературе русского зарубежья. – Спб., 2007.
  15. Николюкин А. Н. Василий Васильевич Розанов. М., 1990.
  16. Розанов Василий Васильевич // Русская энциклопедия. – М.: Книжный клуб. – Книговек, 2014 – С. 525–527.
  17. Розановская энциклопедия. – М., 2008.
  18. Сукач В. В. Жизнь Василия Васильевича Розанова «Как она есть» // Москва. – 1991. – №10, 11; 1992. – №1.

19. Щербаков В. В. Второе пришествие В. В. Розанова // Розанов В. В. Сумерки просвещения. – М.: Политиздат, 1990. – С. 595–621.

Відомості про автора:

Чаплигін Олександр Костянтинович

- доктор філософських наук,
професор,
член-кореспондент Транспортної академії України
завідувач кафедри філософії і політології
Харківського національного автомобільно-дорожнього
університету

Службова адреса:

Харків, вул. Петровського – 25
сл. тел.: 057 – 707 – 37 – 86
тел. моб.: 067 – 575 – 08 – 72

Тема статті: Василій Розанов – «странник, вечний странник и везде только странник»

Особистий підпис

_____ (О.К. Чаплигін)